

тельный вывод об отсутствии изменений в уровне подготовки учащихся по данному разделу за разные годы все-таки нельзя. Для этого необходимо, чтобы все характеристики заданий в тестах разных лет были одинаковы. В связи с этим следует высказать пожелание разработчикам тестов о необходимости параллельности тестов разных лет. Необходимо утвердить спецификацию тестов и соответственно структуру теста по числу заданий, относящихся к разным разделам, соотношение типов заданий, соотношение заданий разного уровня и заданий, проверяющих разные виды знаний в каждом разделе как нормативный документ на несколько лет. Установление постоянной структуры теста по аналогии со стандартами позволит вести мониторинг уровня и структуры знаний учащихся по предмету.

Аванесов В. С. Композиция тестовых заданий. 3-е изд., доп. М., 2002.

Беспалько В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения: Учеб. пособие. М., 1995.

Вилфорд Д. Современная типология педагогических тестов // Тесты в образовании. Вып.1. 1999.

Вопросы тестирования в образовании. 2003. № 6.

Итоги абитуриентского централизованного тестирования 2002 года: Сб. науч.-метод. ст. Екатеринбург, 2003.

Кларин М. В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. М., 1989.

Майоров А. Н. Теория и практика создания тестов для системы образования: (Как выбирать, создавать и использовать тесты для целей образования). М., 2000.

Мальцев А. В. Педагогическое тестирование: Метод. разработка. Екатеринбург, 1998.

Мониторинг качества образования: теория и практика: Сб. ст. Екатеринбург, 2000.

Переверзев В. Ю. Критериально-ориентированное педагогическое тестирование: Учеб. пособие. М., 2003.

Родионов Б. У., Татур А. О. Стандарты и тесты в образовании. М., 1995.

Чельщикова М. Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов: Учеб. пособие. М., 2002.

А. Е. Ткаченко, С. А. Тамарченко, Л. Т. Баранская

АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПАЦИЕНТОВ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

В последние годы растет интерес к использованию текстовых методик для диагностики личностных расстройств, в частности при проведении исследований методом тематического апперцептивного теста (ТАТ) Г. Мюррея. Интерес вызывает возможность выявления латентных установок особой группы пациентов клиник эстетической хирургии, для которых характерно стрем-

ление уклониться от процедуры психодиагностического обследования, скрыть подлинные мотивы, побуждающие к оперативному вмешательству.

Накоплено достаточно данных о неудовлетворенности пациентов результатами успешных операций, но многие эстетические хирурги могут вспомнить случаи, когда результат операции, по вполне объективным причинам совершенно не устраивающий оперировавшего врача, тем не менее полностью удовлетворял пациента [см.: Ткаченко и др., Елькин, 2003]. Таким образом, исследование личностных особенностей пациентов клиник эстетической хирургии необходимо для предотвращения неудовлетворенности как хирургов, которые испытывают дискомфорт в связи с критикой в их адрес и неадекватным отношением к результатам их труда, так и пациентов, переживающих отрицательные эмоции по поводу произведенных физических изменений.

Не подвергая сомнению тот факт, что к эстетической хирургии прибегают «нормальные пациенты», не имеющие личностных нарушений, но объективно нуждающиеся в проведении операций в связи с явными дефектами внешности, в научных исследованиях выявлены те, для которых желаемое хирургическое вмешательство – путь избавления от непереносимых внутренних переживаний дискомфорта, чувства внутренней пустоты, хронической самонедостаточности, отчуждения от самого себя, несоответствия и непригодности для жизни. Стремления пациентов данной группы путем создания физической привлекательности (или ее реконструкции) облегчить социальное взаимодействие, обрести внутренний комфорт и уверенность в себе наряду с некоторыми позитивными изменениями приводит к непредсказуемым результатам. Все это характерно для пациентов с пограничной личностной организацией [см., например: Соколова, 1995; Соколова, Чечельницкая, 2001; Кернберг, 2000; Баранская и др., 2000, и др.].

В отечественной литературе исследование пограничной личностной организации основано на двух ключевых понятиях – *пристрастности* и *смысловой позиции* [см.: Соколова, 1989]. Фундамент пограничной личности построен из противоречивых по своему содержанию потребностей. Специфика пограничного сознания конкретизируется и раскрывается через категорию «зависимый стиль личности». Зависимость как системное качество самосознания, в свою очередь, предполагает слабую дифференцированность и специализированность образующих его подсистем – когнитивных и аффективных процессов. Смещенность баланса когнитивно-аффективных взаимодействий в структуре сознания в сторону превалирования последних означает низкий уровень самоидентичности, автономии «я», зависимость самоотношения от оценок значимых «других», низкую способность к саморегуляции аффективного опыта в целом. Таким образом, для пограничной личности мир предстает через призму полюсов «хорошее» – «плохое». Ставшая смыслом подобная позиция – это не что иное как искаженная картина мира и образа «я». Феномены пограничного сознания могут быть поняты как следствие несформированности смысловой диалогической позиции «я» в целостной системе жизнедеятельности субъекта.

Использование понятия «смысловая позиция» делает очевидным возможность привлечения лингвистических категорий для диагностики пограничных личностных расстройств. Другое понятие, связывающее психодиагностический анализ с лингвистикой, — метакommunikация. По мнению Е. Т. Соколовой и Е. П. Чечельницкой, в этом термине можно выделить два аспекта — межличностный и интрапсихический [см.: Соколова, Чечельницкая, 1997].

Цель психодиагностического общения заключается в выявлении структуры смыслового континуума личности, что может быть рассмотрено в понятии субъектности. Согласно С. В. Никифорову, информационную структуру психического континуума можно представить как связи между моделями среды, фиксирующими данную (текущую) субъектность, и оптимальной средовой моделью, которая выступает в качестве критерия значимости первой [см.: Никифоров, 1993, 20]. В таком случае построение реципиентом (обследуемым) моделей и программ процессов, включающее привлечение необходимых операциональных ресурсов, которыми располагает личность, можно представить как интенциональную структуру психического континуума [см.: Там же]. Вариантом такой модели является структура личностных смыслов, соотносимая с системой установок личности. Форма ее экспликации — эмоционально-смысловая доминанта личности.

Взаимодействие психолога и обследуемого в ситуации психодиагностики с использованием проективных методов ТАТ можно рассматривать как метадиалогическое взаимодействие, если подходить к диалогу с позиций М. М. Бахтина, где диалогические отношения определяются как отношения смысловые. М. М. Бахтин отмечает существующую разницу между так называемым «реальным диалогом», т. е. диалогом как типом речевого поведения, при котором осуществляется обмен репликовыми шагами относительно малого объема, на малом отрезке времени, и потенциальными диалогическими отношениями, присущими высказыванию, обладающему смысловой законченностью [см. об этом: Бахтин, 1979].

Рассказы обследуемых по таблицам ТАТ представляют особый тип диагностического дискурса, отличающийся от «реального диалога» следующими чертами: а) со стороны психодиагноста в качестве диалогического шага выступают визуальные стимулы-таблицы, на которых представлены типичные жизненные обстоятельства, со стороны обследуемого — целые тексты (рассказы, составленные по таблицам), т. е. диалогический шаг данного дискурса является комплексным; б) акцент делается на латентное воздействие, где психопрагматическая функция психодиагностических текстов выступает как доминантная.

Имея некоторые формальные отличия от «реального диалога», рассматриваемый тип дискурса сохраняет принципиальную глубинную диалогическую установку и может быть представлен как метадиалог. Диалогические (репликовые) шаги исследователя представляют собой смысловой конгломерат, составленный из стимулов различной тематической направленности, поэтому на когнитивном уровне дискурс представляет собой род мозаичной

структуры, не имеющей причинно-следственных связей при линейном разворачивании дискурса по тематическим блокам. Смысловые связи отдельных составляющих дискурса носят функционально-целевой характер. Отсутствие линейной причинно-следственной связи объясняется ориентацией на подсознание обследуемых.

Если в обычном коммуникативном акте текст как опосредующее звено между адресантом и адресатом объединяет в себе когнитивную и прагматическую информацию таким образом, что ни одна из них не является доминирующей в рамках текста и может быть выделена лишь в результате специального анализа, то в психодиагностическом коммуникативном акте когнитивная и прагматическая информации представлены акцентированно. Это объясняется общей целевой направленностью анализируемого дискурса. В динамике разворачивания дискурса акценты могут смещаться и изменяться, приводя, казалось бы, к равному присутствию программ. Диагностические presuppositions дискурса предполагают выведение прагматической программы на первый план.

Как уже отмечалось выше, отличительной особенностью коммуникации в ситуации предъявления проективных таблиц-стимулов является метакоммуникация одновременно и в интрапсихическом, и в интерперсональном аспектах, т. е. регрессивный коммуникативный шаг опосредуется через соотнесенность с «я» в концептуальной картине мира [ср.: Тамарченко, 1999].

Диалогический шаг исследователя-психодиагноста представлен таблицей-стимулом. Ее внутренняя смысловая структура является заданной и законченной. Поэтому мы можем говорить, что синтагматические отношения каждого такого смыслового блока, отношение между эпизодами в сюжетном пространстве заданы навсегда, выражены эксплицитно и варианты их конечны. Парадигматические отношения, ассоциативные отношения, в которые смысловой блок-картина вступает, заданы слабо, варианты их практически бесконечны. Ассоциативный ряд, который порождает та или иная картина в сознании обследуемого, определяется его референтной базой.

С точки зрения семиотического описания таблица-стимул близка мифу. По мнению А. Ш. Тхостова, в семиотической системе главным принципом являются *semiosis*-отношения между означаемым и означающим, превращающие последнее в знак. Хотя обычно говорят, что означающее выражает означаемое, в действительности в каждой семиотической системе имеются не два, а три элемента: означающее, означаемое и собственно знак, представляющий собой результат связи первых двух элементов [см.: Тхостов, 1993, 3]. Трансформация отношения означающего и означаемого приводит к образованию вторичной семиотической системы, названной Р. Бартом мифологической, специфика которой (мифа), по мнению Р. Барта, заключена в том, что миф создается на основе некоторой последовательности знаков, существующей до него; миф является вторичной семиотической системой. Идет ли речь о последовательности букв или о рисунке, для мифа они представляют собой знаковое единство, глобальный знак, конечный результат, или третий элемент первичной семиотической системы. Этот третий элемент стано-

вится первым, т. е. частью той системы, которую миф надстраивает над первичной системой. Происходит как бы смещение формальной системы первичных значений на одну отметку шкалы [см.: Барт, 1989, 78]. Эту идею продолжает А. Ш. Тхостов, предполагая, что в мифе сосуществуют параллельно две семиотических системы, одна из которых частично встроена в другую. Во-первых, это языковая система (или иные способы репрезентации), выполняющая роль языка-объекта, и, во-вторых, сам миф, который можно назвать метаязыком и в распоряжение которого поступает язык-объект. Совершенно не имеет значения субстанциональная форма мифа, важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается, и, анализируя метаязык, можно в принципе не очень интересоваться точным строением языка-объекта, в этом случае важна лишь его роль в построении мифа [см.: Тхостов, 1993, 4].

Следуя логике нашего исследования, текст (рассказ) обследуемого целесообразно представить как совокупность тематических блоков. Проводя различие между смыслом целого высказывания (темой) и значением высказывания, В. Н. Волошинов отмечал, что высказывание обладает «определенным и единым смыслом», т. е. темой. Тема высказывания, как подчеркивал В. Н. Волошинов, в сущности индивидуальна и неповторима как само высказывание. Она является выражением породившей высказывание конкретной ситуации, получая относительную завершенность в определенных условиях, в пределах определенного авторского замысла, т. е. интенции [см.: Волошинов, 1929]. Согласно М. М. Бахтину, тема высказывания является фокусом, который определяется авторским замыслом и вокруг которого формируется текст. Он отмечает, что объективно предмет неисчерпаем, но, становясь темой высказывания (например, научной статьи), предмет получает относительную завершенность в определенных условиях, при данном положении вопроса, на данном материале, при данных, поставленных автором целях, т. е. уже в пределах определенного авторского замысла [см.: Бахтин, 1979, 256].

Текст, взятый в целом, имеет тему. Но если этот текст может быть разбит на несколько высказываний, то можно говорить о тематическом блоке, в котором тема целого текста (доминантная тема) реализуется при помощи системы иерархически связанных подтем. Текст может быть представлен как единый тематический блок или как совокупность тематических блоков. Тематический блок выделяется по принципу сохранения целостности, завершенности как коммуникативной единицы.

В тематическом блоке представлены когнитивный (семантический) и коммуникативный (прагматический) типы информации. Одной из разновидностей коммуникативной информации является эмотивная информация. Информация такого рода может быть воспринята как целостный субстрат, как прототипический комплекс, в духе идей Э. Рош. Прототипический комплекс – нерасчленимая на составляющие глобальная единица, имеющая функциональное предназначение, воспринимаемая в целом. Прототипический комплекс является невербализованным эмоциональным образом, который имеет определенное предназначение, но не имеет четкого выражения, выступая обоб-

щенной эмоционально-психической формой текста. Тематический блок является потенциальным носителем определенного прототипического комплекса.

Система прототипических комплексов является составной частью информационной структуры психического континуума.

Общую эмотивную окраску тематического блока показывают фоносемантические характеристики. Фоносемантическое значение текста может быть определено на основе методик А. П. Журавлева, разработавшего экспериментальный психометрический метод изучения символического значения звуков речи [см.: Журавлев, 1974].

Структурирующую функцию в метадIALOGическом фрейме психодиагностического дискурса выполняет целевая программа. Представление об объединяющей роли целевой программы высказал М. М. Бахтин, называя целеполагающую программу речевой волей говорящего.

Допрототипический и прототипический уровни имеют определенное соотношение с целевыми программами, реализуемыми в дискурсе. На допрототипическом уровне отсутствует какая бы то ни было смысловая доминанта. Этот уровень можно представить как уровень хаотического движения, отсутствия непрерывности. Для прототипического уровня характерны континуальность, непрерывность, непротиворечивость, четко выделяющаяся смысловая доминанта, что отражает сформированность процесса целеполагания. Реализация прототипа может быть поведенческой или вербальной. На этом основании можно сделать предположение о возможных вариантах сценарной (поведенческой) реализации эксплицированных установок.

Психодиагностический дискурс построен с целью выявления латентных установок обследуемых, обусловивших обращение в эстетическую клинику. Опосредовать воздействие призваны проективные таблицы-стимулы. Наиболее существенным признаком предлагаемого проективного материала является использование в них неопределенных, неоднозначных стимулов, которые необходимо интерпретировать, конструировать, развивать, дополнять. Высокая степень свободы языка (в данном случае возможности референтного соотнесения) в случае предъявления таблиц-стимулов обуславливает широкую вариативность в установлении знаково-денотативных отношений ответного высказывания, в рамках его смысловой структуры, в которой выделяются актуальное, доминирующее в данный момент для данной личности, значение и потенциальные фоновые значения. В каждый конкретный момент времени потенциальные значения не регистрируются логически, но включаются в систему смысла как потенциально возможные на прелогическом и дологическом уровнях восприятия. Каждое из потенциальных значений имеет нелинейную связь со смысловым полем личности. Потенциальное значение выходит в область актуализации, дополняя доминирующее значение или вымещая его в зависимости от степени взаимоперекрываемости смысловых полей участников диалога.

Общие установки личности реализуются во взаимодействии со средой. Формой реализации может быть семиотическая деятельность (вербальная), что находит отражение в текстах рассказов, порождаемых обследуемыми.

На структурном уровне выявление латентных установок возможно с использованием метода «золотого сечения», являющегося способом автоматизированного членения структуры воздействующего текста (*Diaton*). В этом случае речь идет об анализе текста на супraseгментарном уровне [см.: Тамарченко, 2002].

Анализ текстового материала (61 протокол записей рассказов обследуемых по ТАТ), полученного в ходе работы в клинике пластической и восстановительной хирургии НПРЦ «БОНУМ», подтверждает и развивает положение, высказанное Д. А. Леонтьевым, о том, что плодотворность применения ТАТ и анализа клиники пограничных состояний является наибольшей [см.: Леонтьев, 2000]. Анализ проводился по тематическим доминантам, выделенным методом «золотого сечения» текстов ТАТ, проведен также фоносемантический анализ текстов. Сами тексты рассматривались как составная часть метадIALOGической системы: репликовые шаги регрессивного характера, вербальная экспликация метакоммуникации в интрапсихическом и интерперсональном аспектах.

В первую очередь такому анализу были подвергнуты протоколы тех пациенток, которые настаивали на воссоздании или создании такого внешнего вида, который, с их точки зрения, создаст им особую привлекательность. При этом эстетическими хирургами отмечалось отсутствие врожденных или приобретенных дефектов внешности, т. е. отсутствие объективных оснований для хирургических манипуляций.

Тематические доминанты, выявленные в текстах рассказов обследуемых, эксплицируются в инвариантной системе тематических представлений. Так, в рассказах по таблицам ТАТ пациентки А. Н. П. (24 года) представлены следующие тематические доминанты, раскрывающиеся в инвариантных семантических структурах: «идея катастрофы ожиданий»; связанность, стремление вырваться из реальности; равнодушие к окружающим; ревность. Все это демонстрирует установки, характерные для нарциссической личностной патологии, глубокого личностного расстройства. Ведущим мотивом такой личности является не просто достижение совершенства, а желание избавиться от собственного «я» и обрести вместо него другое «я». Приемлемым, а порой и единственно возможным способом обретения другого «я» становится изменение внешности. На хирурга возлагается задача, которая не может быть им решена. Поэтому неминуемо недовольство результатами произведенных хирургических манипуляций.

Д. А. Леонтьев указывает, что существует базовый набор таблиц ТАТ, являющийся оптимальным для проведения обследования с целью выявления личностных проблем [см.: Леонтьев, 2000, 60]. Приведем рассказ А. Н. П. по первой таблице. «Жил-был маленький мальчик Петя. В их доме на стене в спальне отца висела скрипка. И Петя, когда был совсем-совсем маленьким, он проходил мимо этой стены, на которой висела скрипка, и мечтал о том, что когда он вырастет, то будет музыкантом. Но отец не разрешал брать ее со стены. Он говорил, что эта скрипка старинная, что Петя еще очень мал и что он может ее сломать. И вот однажды, когда никого не было дома, 9-лет-

ний Петя подставил табуретку и снял эту скрипку. Он пробрался на чердак, чтобы никто не увидел. Положил скрипку перед собой и сел мечтать. Он видел большой зал, переполненный людьми, восторженные лица, и он, с длинными волосами, стоит посреди сцены и играет соло на этой чудесной старинной скрипке. Ему чудилась музыка Моцарта, Вивальди. Он был счастлив. Но вдруг скрипнула дверь, и вошел отец. На его лице была улыбка».

В этом рассказе отчетливо выступает нарциссическая грандиозность и уровень притязаний, переходящий в перфекционизм. Доминирующим в сознании пациентки является миф о достижении совершенства и получения одобрения и восхищения в ущерб всем другим мотивам, превращение достижения и признания в главный смысл жизни. Главной особенностью организации мотивационной сферы в этом случае является ее «однопиковость», говоря словами Б. В. Зейгарник, утрата побудительной силы мотивов, превращение их только в знаемые. Реагируя на стимул-таблицу, А. Н. П. «не замечает» куклу на руках у девочки: «О, это дочка притащила котенка. А мама ей говорит: “Ну куда мы его будем девать?” Тем самым выявляется незначимость для обследуемой отношений с пятилетней дочерью. То же можно сказать и об отношении А. Н. П. к отцу ребенка. В беседе с психологом, которая предшествовала процедуре психодиагностического обследования, она рассказала о том, что с отцом ребенка познакомились благодаря журналу «Шахматное обозрение». Стали жить вместе, родилась дочь. Они расстались, поскольку он не мог содержать семью. Тут же указала: «Я думала, что замуж надо выходить по любви». Таким образом, потребность в соответствии внешним стандартам, препятствующая вызреванию других мотивов и содержательных интересов, невозможность компромисса, выраженный перфекционизм насыщают всю жизнь молодой женщины однотипными негативными переживаниями. Исследование текста рассказа позволяет утверждать, что А. Н. П. длительное время находится в подавленном депрессивном состоянии. «Это – концлагерь. Около забора стоит немец. Хотя забор такой хиленький. Он стоит на посту и о чем-то своем думает. С одной стороны, его поставили. Он должен стоять, быть оловянным солдатиком. С другой стороны, думает: “Как мне все это осточертело!” Он думает о доме, о своей семье. О том, чтобы поскорее из всего этого выпутаться и остаться целым. Ну а что будет... Вот – цветущая яблоня. Значит – май. Сорок пятый год. Скоро кончится война, и этот немец вернется домой. А концлагерь распустят».

Рассказы по таблицам ТАТ другой обследуемой (С. Т. В., 35 лет) пациентки клиники эстетической хирургии, настоявшей на хирургическом вмешательстве с целью достижения привлекательности, отличаются выраженным депрессивным фоном. В текстах ТАТ представлены тематические доминанты, раскрывающиеся в инвариантных семантических системах, такие как принуждение; обман, предательство, разочарование; самоубийство, смерть; тревога; иллюзорность счастья. Выявляемые чувства автора рассказов вызывают ощущение покинутости, брошенности, беспомощности, нуждаемости. В рассказе она указывает: «Это отчаяние полное. Причем здесь могут быть разные рассказы. То, что мне близко – это полное отчаяние. Женщина узнала о

предательстве мужа». Подобные состояния наиболее отчетливо выступают также в других текстах: «Скорбь. Неподдельная скорбь. Ощущение горького одиночества. Осталось только прийти поклониться кресту. Мысли жуткие, страшные. Больше не для кого жить. Самому умирать не страшно»; «Мне бы не хотелось думать, что девочка, глядя на воду, хочет покончить жизнь самоубийством. Может быть, она выглядывает мужчину. Неразделенная любовь. Она любит, а он нет. Она – в ожидании. Отчаяние».

Анализ текстов С. Т. В. свидетельствует о сверхполезависимости, отсутствии границ «я» – «другой», отказе от активности. Угроза разрыва супружеских связей оказывается для нее настолько значимой потерей в жизни, что ее собственный ребенок (дочь) и отношения с ней отходят на второй план. Это можно усмотреть в рассказе, который выявляет мечты о будущем или текущий эмоциональный фон. Латентное время (с момента предъявления таблицы-стимула до начала рассказа) здесь максимальное – 35 секунд. «Так можно смотреть на детей, которые играют где-то рядом. Мне кажется, эта женщина очень одинока. У нее есть ребенок, есть человек, с которым она может существовать, но все же она одинока. Так иногда смотрят и понимают короткие минуты счастья, глядя на ребенка, глядя на то, как ее мужчине с ребенком играет, глядя на красивых людей, на природу, на букет цветов. Мысли совершенно разные. Я не удивлюсь, если через две минуты она расплчется».

Фоносемантический анализ протоколов А. Н. П. и С. Т. В. показывает, что отдельные фрагменты оказываются эмоционально акцентированными. В случае А. Н. П. отрицательную эмоциональную окраску имеют темы ревности, бытовые тяготы, тяготы обиденной жизни – желание выйти за ее пределы, вдохнуть воздуха, риск с возможной гибелью, желание поскорее вырваться из того, что есть. Положительную эмоциональную окраску имеет тема оценивания мужчиной.

В случае С. Т. В. отрицательную эмоциональную окраску имеют темы редкости счастья в любви, смерти во время любовных отношений, клеветы, исковерканной жизни. Положительную эмоциональную окраску имеют темы заботливого, внимательного отношения к детям, женщина-хозяйка, сильная женщина.

С достаточной мерой уверенности можно полагать, что эмоционально окрашенными являются наиболее значимые для обследуемых тематические доминанты. Вероятно, именно эти эмоционально акцентированные концепты могут служить отправными вехами для построения смыслового поля личности, для построения прогностического сценария поведенческой реализации установок.

Сравнение количественной вариативности тематических доминант показывает, что для ТАТ первой пациентки (А. Н. П.) наиболее значимой является тема визуальной самопрезентации, видения извне и тема связанности, скованности реальностью, страстное желание «поскорей из этого выпутаться», сопровождающееся в то же время абсолютным неверием в возможность положительного разрешения ситуации («от этого никуда не деться»).

Сравнение количественной вариативности тематических доминант текстов ТАТ второй пациентки (С. Т. В.) показывает, что наиболее значимым являются тема обмана, предательства, разочарования и равнозначные по количественной вариабельности темы иллюзорности счастья и смерти, самоубийства.

Наиболее распространенные темы-доминанты, являясь наиболее значимыми, отражают установки обследуемых, актуальные в синхронном срезе. В случае провоцирующей внешней ситуации именно они вероятнее других перейдут на сценарно-поведенческий уровень.

Таким образом, анализ текстового материала, полученного в результате исследований при помощи ТАТ Г. Мюррея, показывает принципиальную возможность построения формальной текстовой диагностической системы, которая необходима для правильного выбора психотерапевтических мишеней психологической поддержки пациентов эстетической хирургии в тот период, когда, по их словам, они «начинают новую жизнь», т. е. пытаются по-новому построить межличностные отношения, пробуют новые социальные роли, новые формы поведения.

Баранская Л. Т. и др. Деформации личности как детерминанта действий, направленных на телесные изменения / Л. Т. Баранская, С. А. Кузнецова, О. А. Третьякова // Психол. вестн. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2000. С. 136–142.

Барт Р. Избр. тр.: Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Волюшинов В. Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.

Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.

Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства. М., 2000.

Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. М., 2000.

Никифоров С. В. Проблемы интерпретации письменного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993.

Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.

Соколова Е. Т., Николаева В. В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М., 1995.

Соколова Е. Т., Чечельницкая Е. П. О метакоммуникации в процессе проективного исследования пациентов с пограничными личностными расстройствами // Моск. психотерапевт. журн. М., 1997. С. 15–39.

Соколова Е. Т., Чечельницкая Е. П. Психология нарциссизма. М., 2001.

Тамарченко С. А. Становление социокультурного эталона в период трансформационных изменений в обществе // Молодежь в 21 веке: трансформация российского общества и молодежной политики: Материалы науч.-практ. конф. Пермь, 2002.

Тамарченко С. А. Функционально-смысловые трансформации библиотерапевт. дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999.

Ткаченко А. Е. и др. Клинико-психологическая характеристика пациентов клиник эстетической хирургии / А. Е. Ткаченко, Л. Т. Баранская, А. Г. Леонов, А. В. Филатова, И. О. Елькин // Анналы пластической, реконструктивной и эстетической хирургии. М., 2003. № 2. С. 63–69.

Тхостов А. Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. М., 1993. № 1. С. 1–16.